

ЗЕЛЁНАЯ ЛАПКА

БИБЛИОТЕКА
СКАЗОК
СОВЕТСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ

Выпуск

2

БИБЛИОТЕКА СКАЗОК СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ЗЕЛЁНАЯ ЛАПКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ДЕТСКИЙ МИР"
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ РСФСР
М О С К В А • 1 9 6 2

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Белянович. Дуб Ильича	3
А. Кардашова. Зелёная лапка	5
В. Щепотев. Как голубь гнездо вил	7
В. Щепотев. Что сказало дерево <i>(легенда)</i>	8
С. Маршак. Двенадцать месяцев	12
С. Михалков. Мороз и Морозец	22
О. Высотская. Алмазное кольцо <i>(по мотивам восточных народных сказок)</i>	25
Р. Баумволь. Солнце и луна	27
Р. Баумволь. Солнце заходит	27
Е. Пермяк. Кто мелет муку	29
В. Важаев. Яблоневое семечко	30

НАДЕЖДА БЕЛИНОВИЧ

ДУБ ИЛЬИЧА

Р

аскатился на просторе
Звонкий жёлудь-бубенец,
Может, рос у лукоморья
Старый дуб, его отец...
Но из жёлудя лесного
Скоро дуб поднялся новый,
Буйным ветром занесён,
Под Москвой поднялся он
И коснулся головой
Синей тучи грозовой.

Он раскидывает ветки,
А листвы просветы вдруг,
Будто крупные монетки,
Рассыпаются вокруг.

Глядя прямо в неба просинь,
Дуб запел резной листвою:

«Я живу столетий восемь —
Мы ровесники с Москвой.
Слышал я за эти годы,
В час, когда горит заря,
Как земля зовёт свободу,
Мудреца-богатыря.

Стар мой ствол, кора сухая,
Но я мучаюсь не зря:
Ведь дожидаться я желаю
Мудреца-богатыря

В шлеме лёгком и
пернатом,
На гнедом коне
крылатом,
На яву или во сне,
Но он явится ко мне!»
Пролетело много лет,
Мудреца всё нет, как нет.
...Над рекою мост горбатый,
За рекой простор и ширь...

Вдруг не в шлеме, в кепке
смятой
Появился богатырь...

ЗЕЛЁНАЯ ЛАПКА

В лесу родилась ёлочка...» Так начинается песня. Эта история начинается так же. В лесу родилась ёлочка. И звали её «Зелёная лапка».

Сначала у неё был один только ствол, весь опушённый мягкими иглами, потом выросли ветки. И жила ёлочка в зелёной травяной семье, как своя. Жуки, влезая вверх по травинкам и нагибая их, спокойно переваливались на неё. Никто не считал «Зелёную лапку» деревом.

Однако уже зимой снег не мог покрыть её целиком. Как зелёная звезда, лежала её верхушка на снегу. А на следующую весну, как ни старалась трава, как ни росла, ёлку догнать ей не удалось. И тут уже все травинки и жуки поняли, что она — дерево.

Старая ель, у которой были совсем чёрные огромные лапы, скрипела добродушно: «Расти, расти!..» И ёлочка росла. Она стала кругленькая, густая, колючая.

И вот однажды, зимой, совсем как в песне, «срубили нашу ёлочку под самый корешок». «Пропала... — скрипела старая ель. — Тебя изрубят, тебя сожгут...» Но молодой ствол ёлочки был наполнен здоровым и свежим соком, и её ветки шелестели: «Что же дальше, что дальше?»

Ветер мчался по шоссе, а навстречу ветру мчался грузовик с ёлками. Ветер трепал ветки ёлок и посвистывал: «Что дальше?..»

А дальше было вот что: в городе, в одном дворе, где вчера ещё не росло ничего, с утра вырос целый лесок ёлок. Между ёлками ходили люди: «Уж очень мала!» — говорили они про «Зелёную лапку». А нам как раз такая нужна! — услышала она вдруг. — У нас дочка маленькая!»

И вот ёлка в доме. Ровное тепло охватило её ветки, она расправила их и выпрямилась. Ёлку посадили в огромную фарфоровую вазу с водой, и «Зелёная лапка», усталая с дороги, стала жадно пить. Потом она задремала. А вечером ей показалось, что крупные хлопья снега виснут на её ветках, но это был не снег. Вот закачался на ветке блестящий шарик, другую ветку оттянуло красное тяжёлое яблоко. Веток было много, и на каждой появилось что-нибудь интересное: золотой картонный ослик, восковая девочка в юбке из голубой бу-

маги, стеклянная сосулька, серебряная труба... Целая гирлянда разноцветных лампочек обвила ёлку сверху донизу! Нет, так она никогда ещё не сверкала и не светилась! А вот и Дочка! Вся розовая, с круглыми глазками, круглым ротиком и щеками, похожими на красные яблоки. Дочка, растопырив руки, двинулась прямо на ёлку. «Зелёная лапка» покачала ветками и ласково уколола Дочку в нос. Дочка завизжала и захохотала от восторга, а потом сдёрнула с ветки трубку и задудела. Хорошо им было в этот вечер — Дочке, папе, маме и ёлке!

А что было дальше? А дальше было то, что бывает со всеми ёлками, когда кончаются праздники: подошла мама и — раз! — на макушке у ёлки не стало звезды. Два, три! — сдёрнуты с ёлки блестящие шарики. Четыре, пять, шесть! — девочка в бумажной юбке, золотой ослик, стеклянная сосулька лежат на столе. Когда мама снимала гирлянду разноцветных лампочек, ёлка всеми своими ветками цеплялась за неё, уж очень нравилось «Зелёной лапке» светиться! Но вот ёлка раздета совсем. В лесу она никогда не была такой — зимой на её ветвях лежал снег, весной блестяли сосульки, когда наступало тепло, ёлка цвела, выпускала зелёные метёлочки... Её украшали солнечные пятна, капли дождя, а теперь она стоит раздетая, тёмная, грустная.

Но это было ещё не самое плохое — подошёл папа и сказал: «Пора ёлку убирать», — и взялся за макушку. Ёлка затрепетала — неужели, правда, её разрубят и сожгут? «Моя! Не дам! Моя! Не дам!» — вдруг закричала Дочка. Она вцепилась в папин рукав и стала тянуть его прочь от ёлки. «Ну, подожди, — сказала мама папе, — ведь она даже не сыплется!» И ёлка осталась в вазе. А что было дальше?

А дальше было то, чего обычно с новогодними ёлками не бывает.

Однажды Дочка влезла на стул, поближе к ёлочке, и вдруг закричала:

«Мама, цветы!» — «Что ты, дочка, какие цветы!» — удивилась мама.

Дочка разжала кулачок, а в нём была полураздавленная нежная, зелёная метёлочка, сорванная с ёлки. Мама пригладлась к «Зелёной лапке»: все кончики её ветвей были покрыты яркими, нежными, как цветы, метёлочками, а сама ёлка стояла в вазе крепкая, горделивая...

Весна. На балконе в вазе стоит «Зелёная лапка». Сверкающие капли падают с крыши. К балкону протягивает свои ветки тополь. Толстые лакированные почки вот-вот должны лопнуть, они горько и сильно пахнут. Перед балконом в тёплой, весенней дымке раскинулся город.

Воробей сел на перила. «Живи, не сдавайся!» — крикнул он ёлочке. И «Зелёная лапка» не сдаётся, живёт!

КАК ГОЛУБЬ ГНЕЗДО ВИА

Прежде голубь никогда не свивал себе гнезда: выводил птенцов весною на земле среди кустов...

Дело кончилось бедою — кот однажды съел птенцов.

Бедный голубь дни за днями плакал горькими слезами, а потом позвал он птиц — воробьёв, скворцов, синиц.

«Вить гнездо,—сказал он птицам,— я хотел бы научиться».

Началась у птиц работа: кто искал в траве сучок, кто пушинки нёс без счёта, кто тащил сухой листок...

Видел голубь, как, порхая, над гнездом трудилась стая, и сказал своим друзьям: «Вот пустяк! Я всё уж знаю!

Я теперь смогу и сам!»

Отвечают хором птицы — воробьи, скворцы, синицы:

«Молодец, коль сможешь — вей, в добрый час, дружок, смелей!»

Скоро голубь спохватился — сколько голубь ни трудился, изо всех трудов его не выходит ничего: горкой сложит он пушинки — тут же ветром сдует их, ходит-бродит по тропинке — нет как нет листков сухих...

Вот позвал он снова птиц — воробьёв, скворцов, синиц.

«Помогите, — молвит, — птицы, не успел я научиться».

Стая птиц взялась за дело: кто перо, кто мох несёт, кто из прутиков умело стены гнёздышка плетёт, кто замазывает глиной в стенах щёлочки кругом — будет прочен голубиный, что и всякий птичий дом!..

Видел голубь, как, порхая, над гнездом трудилась стая, и сказал своим друзьям: «Вот пустяк! Я всё уж знаю! Я теперь смогу и сам!»

Отвечают хором птицы — воробьи, скворцы, синицы:

«Молодец, коль сможешь — вей, довивай гнездо скорей!»

Вскоре голубь спохватился — сколько голубь ни трудился, изо всех трудов его не выходит ничего: то на самой середине переломится сучок, то завязнет хвостик в глине — прямо сбился голубь с ног...

И опять зовёт он птиц — воробьёв, скворцов, синиц...

Ну, а птицы рассердились и на помощь не явились. А гнездо из года в год всё никак он не довьёт.

В. ЩЕПОТЕВ

ЧТО СКАЗАЛО ДЕРЕВО

/ЛЕГЕНДА/

В незапамятное время знали
человеческий язык деревья,
потому что рощи и дубравы
были исстари семьёй богов:
дуб могучий был владыкой леса,
липа-мать была богиней лета,
яблоня была богиней-дочкой.

Человек придёт, бывало, в чашу
нарубить жене своей дровишек,
а к нему наклонятся деревья,
зашумят

и хвоей
и листвою,

скажут:

«Собирай валежник палый,
но сучка живого ты не трогай!»

Человек тогда топор кидает,
исполняет заповедь лесную.
А когда уйдёт из тёмной чащи,
диво дивное с ним приключится:
у того,

кто был без крошки хлеба,
на столе дымятся караван,
мёд душистый в липовой кадлушке,
яблоки в берестяном лукошке;
у того,

кто век свой был бездомным,
сам собою дом растёт на поле,
дом высокий,
с хлевом и амбаром,
тёплой печью,
ставнями резными;

тот,

кто был разутым и раздетым,
вдруг находит новые кафтаны,
сапоги зелёного сафьяна,
куныи шапки,
белые рубахи;
а несчастный делался счастливым,
а больной здоровым становился;
кто любви ответной не изведal,
находил красавицу невесту,
кто томился век без верной дружбы
находил участливого друга...
Так и было многие столетия!
Но в года
татарского полона
Во Владимир —

город златоверхий —
сам баскак Дудентий,
злой татарин,
заявился с жадною ордою.
Голова его

котлу подобна,
как концы мечей,
два острых уха,
а усы —

пуки упругих стрел.
Выше князя в городе Дудентий,
дань собирает он

с больших
и малых,
дань собирает с тех, кто носит лапти
также с тех, кто и лаптей не носит,
с тех берёт, кто валенки обует,

также с тех, кто валенок не нажил,
дань берёт за воду из колодца,
дань берёт

за соль,
за щи,
за пиво —

нет житья народу от баскака...

Но баскак Дудентий —
волк несытый,
мало ему дани и почёта,
захотел он стать

бессмертным богом.

На коне он поскакал в дубраву,
а за ним поехали в кибитках

девять жён,
и сыновья,
и дочки,

поскакали на конях уздени,
каждый взял с собой топор тяжёлый.
Вот на них владимирцы дивились!

Утром

к яблоне баскак подходит,
следом жёны к яблоне подходят,
следом дети к яблоне подходят
и уздени

к яблоне подходят —
каждый поднял свой топор тяжёлый,
все грозят рубить её под корень.
Яблоня к баскаку наклонилась,
юная, весенняя богиня,
зашумела свежее листвою:

— Ты поведай, князь,
скажи, Дудентий,
почему семья твоя и слуги
заповедь нарушили лесную?

И сказал баскак:

— Хочу отныне,
чтобы я
и все мои потомки
сделались

бессмертными богами!..

Мать с отцом об этом не упросишь,
знай,

мы не дадим тебе пощады,
мы тебя под самый корень срубим,
ветви в бело-розовом цветенье
отсечём стальными топорами.

Сразу от свирепого баскака
отшатнулась богиня-дочка
и к своим родителям могучим,
к дубу с липой,
ветками прижалась.

Грянул гром,
и небо потемнело,
только ветви дуба золотые,

будто молнии, во тьме сверкали.
Услыхал испуганный Дудентий
голос дуба,

схожий с гулом грома:
— Не бывать вам гордыми богами,
не стоять вовек в зелёной роще,
не тянуться к небесам ветвями —
кошками отныне все вы станьте,
у людей еды себе просите,
жалкие,

у ног людских живите!

И тотчас баскак с детьми своими,
с жёнами костлявыми и злыми
в бессловесных кошек обратились...
Знатные уздени изумились,
стали кошек

и ловить,
и нежить.

И теперь,

кто во Владимир-город
к нам придет,

видит много кошек,

кошек

чёрных,
серых
и трёхцветных,
и ангорских,
и сибирских пышных,
в слободе Ямской,
вблизи Стрелецкой
бродят узкоглазые котята,
и усы у них,

как у баскака,
и такая ж хищная повадка.
Но по счастью,

нет у них той силы,
что была у жадного баскака!

С. МАРШАК

ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ

Знаешь ли ты, сколько месяцев в году?

Двенадцать.

А как их зовут?

Январь, февраль, март, апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь.

Только окончится один месяц, сразу же начинается другой. И ни разу ещё не бывало так, чтобы февраль пришёл раньше, чем уйдёт январь, а май обогнал бы апрель.

Месяцы идут один за другим и никогда не встречаются.

Но люди рассказывают, будто в горной стране Богемии была девочка, которая видела все двенадцать месяцев сразу.

Как же это случилось?

А вот как.

В одной маленькой деревушке жила злая и скупая женщина с дочкой и падчерицей. Дочку она любила, а падчерица ничем ей не могла угодить. Что ни делает падчерица — всё не так, как ни повернется — всё не в ту сторону.

Дочка по целым дням на перине валялась да пряники ела, а падчерице с утра до ночи и присест некогда было: то воды натаскай, то хворосту из леса привези, то белёй на речке выполощи, то грядки в огороде выполи.

Знала она и зимний холод, и летний зной, и весенний ветер, и осенний дождь. Потому-то, может, и довелось ей однажды увидеть все двенадцать месяцев разом.

Была зима. Шёл январь месяц. Снегу намело столько, что от дверей его приходилось отгребать лопатами, а в лесу на горе деревья стояли по пояс в сугробах и даже качаться не могли, когда на них налетал ветер.

Люди сидели в домах и топили печи.

В такую-то пору, под вечер, злая мачеха приоткрыла дверь, поглядела, как метёт вьюга, а потом вернулась к тёплой печке и сказала падчерице:

— Сходила бы ты в лес да набрала там подснежников. Завтра сестрица твоя именинница.

Посмотрела на мачеху девочка: шутит она или вправду посылает её в лес? Страшно теперь в лесу! Да и какие среди зимы подснежники? Раньше марта месяца они и не появляются на свет, сколько их ни ищи. Только пропадёшь в лесу, увязнешь в сугробах.

А сестра говорит ей:

— Если и пропадёшь, так плакать о тебе никто не станет! Ступай да без цветов не возвращайся. Вот тебе корзинка.

Заплакала девочка, закуталась в рваный платок и вышла из дверей.

Ветер снегом ей глаза порошит, платок с неё рвёт. Идёт она, еле ноги из сугробов вытягивает.

Всё темнее становится кругом. Небо чёрное, ни одной звёздочкой на землю не глядит, а земля чуть посветлее. Это от снега.

Вот и лес. Тут уж совсем темно — рук своих не разглядишь. Села девочка на поваленное дерево и сидит. Всё равно, думает, где замерзнуть.

И вдруг далеко меж деревьев сверкнул огонёк — будто звезда среди ветвей запуталась.

Поднялась девочка и пошла на этот огонёк. Тонет в сугробах, через бурелом перелезает. «Только бы, — думает, — огонёк не погас!» А он не гаснет, он всё ярче горит. Уж и тёплым дымком запахло, и слышно стало, как потрескивает в огне хворост.

Девочка прибавила шаг и вышла на полянку. Да так и замерла.

Светло на полянке, точно от солнца. Посреди полянки большой костёр горит, чуть ли не до самого неба достаёт. А вокруг костра сидят люди — кто поближе к огню, кто подальше. Сидят и тихо беседуют.

Сматривает на них девочка и думает: кто же они такие? На охотников будто не похожи, на дровосеков ещё того меньше: вон они какие нарядные — кто в серебре, кто в золоте, кто в зелёном бархате.

Стала она считать, насчитала двенадцать: трое старых, трое пожилых, трое молодых, а последние трое — совсем ещё мальчики.

Молодые у самого огня сидят, а старики — поодаль.

И вдруг обернулся один старик — самый высокий, бородатый, бровастый — и поглядел в ту сторону, где стояла девочка.

Испугалась она, хотела убежать, да поздно. Спрашивает её старик громко: — Ты откуда пришла, чего тебе здесь нужно?

Девочка показала ему свою пустую корзинку и говорит:

— Нужно мне набрать в эту корзинку подснежников.

Засмеялся старик:

— Это в январе-то подснежников? Вон чего выдумала!

— Не я выдумала, — отвечает девочка, — а прислала меня сюда за подснежниками моя мачеха и не велела мне с пустой корзинкой домой возвращаться.

Тут все двенадцать поглядели на неё и стали между собой переговариваться.

Стоит девочка, слушает, а слов не понимает — будто это не люди разговаривают, а деревья шумят.

Поговорили они, поговорили и замолчали.

А высокий старик опять обернулся и спрашивает:

— Что же ты делать будешь, если не найдёшь подснежников? Ведь раньше марта месяца они не выйдут.

— В лесу останусь, — говорит девочка. — Буду марта месяца ждать. Уж лучше мне в лесу замёрзнуть, чем домой без подснежников вернуться.

Сказала это и заплакала.

И вдруг один из двенадцати, самый молодой, весёлый, в шубке на одном плече, встал и подошёл к старику:

— Братец Январь, уступи мне на час своё место!

Погладил свою длинную бороду старик и говорит:

— Я бы уступил, да не бывать Марту прежде Февраля.

— Ладно уж, — проворчал другой старик, весь лохматый, с растрёпанной бородой. — Уступи, я спорить не стану! Мы все хорошо её знаем: то у проруби её встретишь с ведрами, то в лесу с вязанкой дров. Всем месяцам она своя. Надо ей помочь.

— Ну, будь по-вашему, — сказал Январь.

Он стукнул о землю своим ледяным посохом и заговорил:

Не трещите, морозы,
В заповедном бору,
У сосны, у берёзы
Не грызите кору!
Полно вам вороньё
Замораживать,
Человечье жильё
Выхолаживать!

Замолчал старик, и тихо стало в лесу. Перестали потрескивать от мороза деревья, а снег начал падать густо, большими мягкими хлопьями.

— Ну, теперь твой черёд, братец, — сказал Январь и отдал посох меньшему брату, лохматому Февралю.

Тот стукнул посохом, мотнул бородой и загудел:

Ветры, бури, ураганы,
Дуйте что есть мочи!
Вихри, вьюги и бураны,
Разыграйтесь к ночи!
В облаках трубите громко,
Вейтесь над землёю.
Пусть бежит в полях позёмка
Белою змеёю!

И только он это сказал, как зашумел в ветвях бурный мокрый ветер. Закружились снежные хлопья, понеслись по земле белые вихри.

А Февраль отдал свой ледяной посох младшему брату и сказал:

— Теперь твой черёд, братец Март.

Взял младший брат посох и ударил о землю.

Смотрит девочка, а это уже не посох. Это большая ветка, вся покрытая почками.

Усмехнулся Март и запел звонко, во весь свой мальчишеский голос:

Разбегайтесь, ручьи,
Растекайтесь, лужи,
Вылезайте, муравьи,
После зимней стужи!
Пробирается медведь
Сквозь лесной валежник,
Стали птицы песни петь,
И расцвёл подснежник.

Девочка даже руками всплеснула. Куда девались высокие сугробы? Где ледяные сосульки, что висели на каждой ветке?

Под ногами у неё — мягкая весенняя земля. Кругом каплет, течёт, журчит. Почки на ветвях надулись, и уже выглядывают из-под тёмной кожуры первые зелёные листики.

Глядит девочка — наглядеться не может.

— Что же ты стоишь? — говорит ей Март. — Торопись, нам с тобой всего один часок братья мои подарили.

Девочка очнулась и побежала в чашу подснежники искать. А их видимо-невидимо! Под кустами и под камнями, на кочках и под кочками — куда ни поглядишь. Набрала она полную корзину, полный передник — и скорее опять на полянку, где костёр горел, где двенадцать братьев сидели.

А там уже ни костра, ни братьев нет... Светло на поляне, да не по-прежнему. Не от огня свет, а от полного месяца, что взошёл над лесом.

Пожалела девочка, что поблагодарить её некого, и побежала домой.

А месяц за нею поплыл.

Не чуя под собой ног, добежала она до своих дверей — и только вошла в дом, как за окошками опять загудела зимняя вьюга, а месяц спрятался в тучи.

— Ну, что, — спросили её мачеха и сестра, — уже домой вернулась? А подснежники где?

Ничего не ответила девочка, только высыпала из передника на лавку подснежники и поставила рядом корзинку.

Мачеха и сестра так и ахнули:

— Да где же ты их взяла?

Рассказала им девочка всё, как было. Слушают они обе и головами качают — верят и не верят. Трудно поверить, да ведь вот на лавке целый ворох подснежников, свежих, голубеньких. Так и веет от них мартом месяцем!

Переглянулись мачеха с дочкой и спрашивают:

— А больше тебе ничего месяцы не дали?

— Да я больше ничего и не просила.

— Вот дура так дура! — говорит сестра. — В кои-то веки со всеми двенадцатью месяцами встретишься, а ничего, кроме подснежников, не выпросила! Ну, будь я на твоём месте, я бы знала, чего просить. У одного — яблок да груш сладких, у другого — земляники спелой, у третьего — грибов беленьких, у четвёртого — свежих огурчиков.

— Умница, доченька! — говорит мачеха. — Зимой землянике да грушам цены нет. Продали бы мы это и сколько бы денег выручили! А эта дурочка подснежников натаскала! Одевайся, дочка, потеплее да сходи на полянку. Уж тебѣ они не проведут, хоть их двенадцать, а ты одна.

— Где им! — отвечает дочка, а сама — руки в рукава, платок — на голову. Мать ей вслед кричит:

— Рукавички надень, шубку застегни!

А дочка уж за дверью. Убежала в лес!

Идѣт по сырным следам, торопится. «Скорее бы, — думает, — до полянки добраться!»

Лес всё гуще, всё темней. Сугробы всё выше, бурелом стеной стоит.

«Ох, — думает мачехина дочка, — и зачем только я в лес пошла! Лежала бы сейчас дома в тёплой постели, а теперь ходи да мѣрзни! Ещё пропадёшь тут!»

И только она это подумала, как увидела вдалеке огонёк — точно звѣздочка в ветвях запуталась.

Пошла она на огонёк. Шла, шла и вышла на поляну. Посреди полянки большой костѣр горит, а вокруг костра сидят двенадцать братьев, двенадцать месяцев. Сидят и тихо беседуют.

Подошла мачехина дочка к самому костру, не поклонилась, приветливого слова не сказала, а выбрала место, где жарче, и стала греться.

Замолчали братья-месяцы. Тихо стало в лесу, и вдруг стукнул Январь-месяц посохом о землю.

— Ты кто такая? — спрашивает. — Откуда взялась?

— Из дому, — отвечает мачехина дочка. — Вы нынче моей сестре целую корзинку подснежников дали. Вот я и пришла по её следам.

— Сестру твою мы знаем, — говорит Январь-месяц, — а тебя и в глаза не видали. Ты зачем к нам пожаловала?

— За подарками. Пусть Июнь-месяц мне земляники в корзинку насыплет, да покрупней. А Июль-месяц — огурцов свежих и грибов белых, а месяц Август — яблок да груш сладких. А Сентябрь-месяц — орехов спелых. А Октябрь...

— Погоди, — говорит Январь-месяц. — Не бывать лету перед весной, а весне перед зимой. Далеко ещё до Июня-месяца. Я теперь в лесу хозяин, тридцать один день здесь царствовать буду.

— Ишь, какой сердитый! — говорит мачехина дочка. — Да я не к тебе пришла — от тебя, кроме снега да инея, ничего не дожждёшься. Мне летних месяцев надо.

Нахмурился Январь-месяц.

— Ищи лета зимой! — говорит.

Махнул он широким рукавом, и поднялась в лесу метель от земли до неба — заволокла и деревья и полянку, на которой братья-месяцы сидели. Не видно стало за снегом и костра, а только слышно было, как свистит где-то огонь, потрескивает, полыхает.

Испугалась мачехина дочка.

— Перестань! — кричит. — Хватит!

Да где там!

Кружит её метель, глаза ей слепит, дух перехватывает. Свалилась она в сугроб, и замело её снегом.

А мачеха ждала, ждала свою дочку, в окошко смотрела, за дверь выбегала — нет её, да и только. Закуталась она потеплее и пошла в лес. Да разве найдёшь кого-нибудь в чаще в такую метель и темень!

Ходила она, ходила, искала-искала, пока и сама не замёрзла.

Так и остались они обе в лесу лета ждать.

А падчерица долго на свете жила, большая выросла, замуж вышла и детей вырастила.

И был у неё, рассказывают, около дома сад — да такой чудесный, какого и свет не видывал. Раньше, чем у всех, расцветали в этом саду цветы, поспевали ягоды, наливались яблоки и груши. В жару было там прохладно, в метель тихо.

— У этой хозяйки все двенадцать месяцев разом гостят! — говорили люди.

Кто знает — может, так оно и было.

С. МИХААКОВ

МОРОЗ И МОРОЗЕЦ

/АИТОВСКАЯ СКАЗКА/

...ил когда-то дед Мороз,
У него внучонок рос.
Всем хорош Морозец был,
Да похвастаться любил.
«Дед силён, а я сильнее
И кусаюсь я больней!
Я моложе на сто лет!
Заморожу целый свет!»

Вот Морозец как-то раз
В чистом поле, в поздний час,
Видит: едет, сыт и пьян,
В толстой шубе толстый пан,
Кони барины везут.
Наш Морозец — тут как тут!
Рядом с паном в сани сел —
Нос у пана побелел,
Пан не чует рук и ног,
Весь до косточек продрог,
Льдинки сыплются из глаз...
Пробил пану смертный час,
Не спасли его меха:
Рукавицы и доха!
«Что ты кверху поднял нос?» —
Встретил внука дед Мороз.
Усмехнулся внук в ответ:
«Шуба есть, а пана нет!

И не вылез из мехов,
Как промёрз до потрохов!
Ты силён, а я сильнее
И кусаюсь я больней!
Заморожу целый свет!»
«Ладно, внучек! — крикнул дед. —
Заморозишь! А пока
Заморозь-ка мужика!»
«Где? Какого?»
«Вон в бору
Рубит сучья на ветру!»

Заглянул Морозец в бор,
Где звенел в тот час топор,
Видит: тощий мужичок,
Затянув свой кушачок,
Зипунком прикрыт едва,
Рубит сучья на дрова.
«Ну-ка, внучек! — молвил дед. —
Одолешь или нет?»
«Да таких, хоть десять штук!» —
Не моргнув, ответил внук.

Как пришёл Морозец в лес,
Мужик в зипун залез,
Пробирает мужика —
Больно щиплет за бока,
За нос, за уши дерёт,
Прямо за душу берёт!

А мужик, зная, крепок был —
Так и рубит, как рубил.
Так и машет топором,
Разбирает бурелом,
Призаморится — вздохнёт,
Только пот с лица смахнёт,
Чуть присядет на пенёк:
«Жаркий выдался денёк!»

Час ли, два часа прошло —
Время быстро утекло,
Мужичонка жив-здоров,
Наложил на санки дров,
За кушак топор заткнул
И до дому повернул,
А Морозец, сам не свой,
Поплелся к себе домой.

«Ты чего повесил нос?» —
Встретил внука дед Мороз.
Что ответил деду внук,
Здесь писать нам недосуг,
Только скажем: с этих пор,
Как берёт мужик топор,
Так Морозец ни гу-гу —
Тихо дремлет на снегу...

ОЛЬГА ВЫСОТСКАЯ

АЛМАЗНОЕ КОЛЬЦО

(по мотивам восточных народных сказок)

Шли по дороге двое.
В город на праздник шли.
Вдруг кольцо дорогое
Вместе они нашли.

В свете луны прохладном
Ярко сверкнул алмаз.
И засверкали жадно
Сразу две пары глаз.

— Это моя находка! —
Пекарь дружку сказал. —
Это моя находка!
Я его увидал!

— Ишь ты! — кузнец ответил. —
Ишь ты, хитрец какой!
Первым кольцо заметил
Я
и никто другой!

— Брось ты замашки эти! —
Пекарь сказал в ответ. —
Спросим муллу в мечети,
Твой алмаз или нет!

— Спор ваш аллах рассудит, —
Им заявил мулла. —
Служат порукой людям
Праведные дела.

Тот, кто из вас добрее,
Небу угодней тот.
Каждый пускай скорее
Злобу свою уймёт.

Оба ступайте к дому
И, не храня обид,
Каждый пускай другому
Сделать добро спешит.

Тот, кем поступок лучший
Будет к утру совершён,
Это кольцо получит!
Вот, как вопрос решён!

***

Пекарь испёк лепёшки,
Взял кувшин с молоком
И кузнецу на окошко
Всё положил тайком.

У кузнеца ребята.
Ну, а муки-то нет.
Жить ему трудновать.
Это — для них обед.

Но и кузнец той ночью
К пекарю — шмыг во двор.
«Пекарь жениться хочет.
Дам ему свой ковёр.

Дам ковёр,
а за это
Перстень мне даст мулла!»

Так всю ночь до рассвета
Были у них дела.

Лишь посветлее стало,
Пекарь в мечеть идёт.
Видит — кузнец усталый
Тоже у входа ждёт.

Вышел мулла навстречу
И говорит: — Друзья!
Мне наградить вас нечем.
Перстень ваш
отдал я.

Был он на днях потерян
Здесь одним купцом.
Я это всё проверил,
Он и ушёл с кольцом.

Так ли, не так ли было,
Может, и врёт, мулла?
В общем кольцо уплыло,
Вот какие дела!

Молча смотрел с минуту
Пекарь на кузнеца.
— Значит, шайтан попутал?
Нету у нас кольца?

— Вот ведь какая жалость!
— Да, перстенёк хорош!
— Что ж нам делить осталось?
Кончился наш делёж!

— А за ковёр — спасибо!
— И за лепёшки, друг!
Солнечным и красивым
Сделалось утро вдруг.

— К лучшему всё, быть может! —
Вслух рассудил кузнец. —
Дружба, она дороже
Всех дорогих колец.

Вот они снова вместе
Праздник идут встречать.
Значит, на этом месте
Можно рассказ кончать.

Р. БАУМВОЛЬ

СОЛНЦЕ И ЛУНА

олнце с луной поспорило.

Солнце говорит — листья на деревьях зелёные, а луна говорит — они серебристые. Луна говорит — люди на земле всё больше спят. А солнце говорит — люди почти всегда в движении.

— Но тогда почему же на земле такая тишина? — спрашивает луна.

— Кто тебе это сказал? — кипятится солнце. — На земле очень шумно!

Спорили они, спорили, ни до чего не dospорились.

— Ты видишь одно, я — другое, — сказала луна. — А почему так — сама не пойму.

Но тут прилетел ветерок. Услышал он этот разговор и засмеялся, да так, что, на него глядя, затряслись от смеха цветы и травы, деревья — те даже закачались. А маленькая смешливая шишечка хохотала до упаду. Упала с ёлки и покатилась со смеху под горку.

Когда смеяться все кончили, ветер сказал:

— О чём вы спорите! Я и при солнце и при луне летаю. Днём при свете солнца всё бывает так, как говорит солнце. Ночью же, когда луна светит, всё по-другому: люди спят, кругом тишина, и листья на деревьях при свете луны кажутся серебристыми. А когда я на луну нагоняю тучу, всё делается чёрным. Этого ни ты, солнце, ни ты, луна, видеть не можете. До свидания.

И ветер вмиг улетел.

Вот почему перед тем, как солнцу садиться, выплывает луна. Ей любопытно: как выглядит всё на земле при солнце. И луне удаётся подсмотреть. А вот солнце никогда не может видеть серебристых листьев. Как только оно показывается, так сразу же наступает день.

Р. БАУМВОЛЬ

СОЛНЦЕ ЗАХОДИТ

олгий летний день бабочка-однодневка только и делала, что кружилась по воздуху. До чего хорошо было жить на свете! Наверху — солнце, внизу — цветы, хотя, по правде говоря, бабочка не знала, где верх и где низ, может быть, потому, что голова у неё слегка кружилась, всё казалось ей танцующим, постоянно меняющим свои места. Что она знала о мире? Лишь то, что он залит светом и благоухает.

Всё вокруг радовалось. Птицы пели, кузнечики трещали, жужжали пчёлы, вежливо кланялись цветы, а бабочка веселилась больше всех, она всё время плясала в воздухе и, если бы она умела петь, её песня была бы полна всех уди-

вительных звуков, которые она вокруг себя слышала. Да слышала ли она их? Видела ли она вокруг себя цветы и деревья, кузнечиков и птиц? Она, наверное, не видела и не слышала, а чувствовала всё сразу, впитывала в себя всё, вместе с солнцем.

Бывает, проснёшься летним погожим утром, ещё глаза не открыл, ещё ничего не успел подумать, ничего не услышал, а тебе уже хорошо, легко, весело.

Так было и с бабочкой. Она не замечала времени, потому что не знала, что такое время. Она чувствовала только солнце, и этого было с неё достаточно. Будь всё время солнце, она бы, наверное, не устала плясать тысячу, миллион лет. Она сама казалась малюсенькой пляшущей частицей солнца.

Но вот стали приближаться сумерки, и бабочке стало не по себе. Она не могла понять, что случилось. Ей казалось, что настал конец мира. Впервые за весь день она прервала свой танец. Крылышки не слушались её, и ей приходилось то и дело присаживаться то на один, то на другой цветок.

— Что теперь будет? — спрашивала она у них, но цветы ей спокойно отвечали: — Ничего особенного, солнце зайдёт. — Как, ничего особенного? Как это, солнце зайдёт? Ведь тогда конец всему?! — Ничего подобного, — отвечали ей цветы, — солнце завтра опять выйдет. Чего ты испугалась? Уже то хорошо, что всегда тепло, всегда трава растёт и цветы цветут, а ночью можно и без света обойтись.

— Неправда, — сказали деревья, — не всегда растёт трава и цветут цветы, не всегда тепло, бывает и зима. Вы, цветы, этого не знаете, потому что живёте одно лето, а мы живём много лет и знаем, что после лета наступают холода и дожди, а потом снег. Всё кругом увядает на долгие месяцы.

Бабочка уже не перелетала, а переползала с цветка на цветок. Услышав о холоде, о завядавших цветах, она сомкнула плотно крылышки и не могла больше пошевелиться.

Настал вечер, небо было полно звёзд, они не слышали разговор деревьев и цветов. Звёзды были очень далеки, а то бы они могли тоже многое рассказать. Рассказать о том, что они живут миллионы лет. Что многие из них больше солнца, что приходит время, и они потухают, а миллионы других звёзд продолжают светить.

Но бабочка уже давно спала вечным сном. Для неё, маленькой бабочки, один летний день был миллионом лет.

Е. ПЕРМЯК

КТО МЕЛЕТ МУКУ

Ж

ил в мельничном ларе червь. Дармоед. Наелся он как-то свежей муки, выполз на край мельничного ларя, зевнул и спросил:

— А кто мелет муку?

— Как это — кто? — проскрежетал жёрнов. — Я!

Нет, я, проскрипела на это деревянная рабочая шестерня. — Я кручу ось, на которой ты, жёрнов, сидишь. Значит, я мелю муку.

— Это ещё что? — заспорил главный вал мельницы. — На ком ты надета, шестерня? Не на мне ли? Не я ли мелю муку?

Тут мельничные крылья не утерпели и засвистели на ветру:

— Мы, крылья, всех вас вертим, крутим и двигаем! Значит, мы и мелем муку.

Услыхал это ветер и сильно разгневался. Рванул он дверь мельницы, выдул прочь мучного червя Дармоеда и так задул, что только крылья у мельницы замелькали.

От этого главный вал, деревянная шестерня и жёрнов заработали-завертелись быстрее. Веселее пошёл помол муки.

— Поняли вы теперь, кто мелет муку?

— Поняли, батюшка ветер, поняли! — ответили все.

— Ой ли? — ухмыльнулся мельник. — Не всем дано понимать, кто мелет муку, кому подвластны все ветры, все воды, кто строит все мельницы на земле.

Сказал так мельник и повернул главный ветровой рычаг. Остановилась работа на мельнице. Все замерли. И жёрнов, и вал, и шестерни. Потом смазал мельник скрипучие места, засыпал нового зерна, выгреб смолотую муку и опять пустил мельницу.

Плавню заработали крылья. Молча завертелись главный вал и рабочая шестерня. Без болтовни, без пустого скрипа.

— Так-то оно лучше, — молвил старый мельник.

Запер на замок мельницу, пригрозил ветру пальцем: «Смотри у меня, мели!» — и пошёл обедать да эту самую сказку своим внучатам рассказывать, чтобы они знали, кто мелет муку, кому подвластны все ветры, все воды, все мельницы на земле.

ЯБЛОНЕВОЕ СЕМЕЧКО

Давно это было. Когда на земле ещё ни травинки не росло, человек не родился и зверь не рыскал. А были тогда только Земля, Солнце, Вода, Ветер, Ночь и День. Земля была твёрдая, Солнце — огненное, Вода — текучая, Ветер — быстрый, Ночь — тёмная, День — светлый.

Вот собрались они все вместе в гостях у Земли и говорят:

— Мы самые сильные, самые богатые, потому что кто жарче Солнца, быстрее Ветра, темнее Ночи? Кто богаче светом, чем День? А что толку в этом? Силы много, богатства ещё того больше, а для чего?

— Кому нужна моя твердота? — сказала Земля.

— Кому нужна моя темнота? — сказала Ночь.

— Кому нужна моя вода? — сказала Вода.

— Моя быстрота? — сказал Ветер.

— Мой свет? — сказал День.

— Мой жар? — сказала Солнце.

— Некому на нас полюбоваться, не на кого нам поглядеть, силы потратить, приложить, — сказали они все. — Нету нам счастья...

И вдруг видят они — семечко. Маленькое, коричневое семечко.

Посмотрели и говорят:

— Ты кто?

А оно в ответ:

— Яблоневое семечко.

Удивились стихии.

— К чему ты нам такое маленькое нужно? Смотреть на тебя — не видно. Тебе на нас любоваться — нам незаметно. Если бы ты ростом повыше было, да пошире. Кому ты нужно такое?..

— А вы, — говорит Яблоневое семечко, — меня растите, я и окрепну. Таким буду — диву дадитесь.

— Хорошо, — сказали стихии. — Будь гостем, выбирай хозяина! К кому пойдёшь?

— Ко всем, — говорит Яблоневое семечко.

— Много чести! — засмеялись стихи. — Мы самые сильные, самые богатые! У нас, у каждого, своего добра хоть отбавляй, а для тебя и подавно хватит.

— Ну, что ж! — говорит Яблонево семячко. — Попробуйте. Принимай меня, Земля.

Взяла Земля Яблонево семячко, у себя посадила.

Сутки проходят, другие... сколько их минуло! Не растёт Яблонево семячко.

— Худо мне, — говорит, — чахну я!

Посмеялось Солнце над Землёй.

— Эх ты, камень бесчувственный! Дай-ка я его пригрею.

И ну печь-припекать. От Земли даже пар пошёл. Земля потрескалась.

— Ой! — кричит Яблонево семячко. — Горю, горю! Спасите!

Забулькала вода:

— Вот косматое, пламя ненасытное! Семячко и то спалить готово. Пей, милое!..

Напилось семячко.

— Хватит, — говорит.

А вода своё — льёт и льёт.

— Сгнию я! — кричит Яблонево семячко. — Дай передохнуть!

Тут Ночь принеслась:

— Тише, тише! Я здесь. От всех тебя скрою. У меня отдохнёшь.

Поспало семячко.

— Есть хочу! Пить хочу! Страшно мне во тьме! — кричит.

А ночь не уходит. Тёмная сидит, крошечная.

— Чего расшумелось, — говорит, — ишь, причуды какие! Спи, и всё тут.

Тогда День пришёл. Растолкал Ночь. Убралась она.

— Мой, — говорит День, — черёд настал. Моё теперь яблонево семячко.

Протёрло глазки семячко и говорит:

— Согрей меня, День!

А он:

— У меня только свет.

— Тогда позови Солнце.

— Облака небо закрыли.

— Прогони облака!

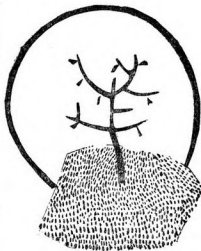
— Сил нет.

Закричало Яблонево семячко:

— Холодно! Холодно! Чахну я!

А Ветер тут как тут. Прибежал. Прогнал облака.

— Вот и я! — говорит. — Тут я!

А за ним Солнце, а за Солнцем — Вода, за Водой — Земля, за Землёй — Ночь, а за Ночью — День!..

— Скажи, семечко, у кого тебе лучше? У кого жить будешь?

— Эх вы! — говорит Яблоневое семечко. — Большие, а бесплодные! У Солнца я чуть не сгорело. У Воды чуть не захлебнулось. В Земле чуть не засохло. В Ночи чуть не пропало... Вот видите, я хоть маленькое, а каждого из вас по одному мало, чтобы меня вырастить!

— А кого же тебе нужно? — подивились стихии.

— Всех вас! — сказала Яблоневое семечко. — Грейте меня, поите меня, храните меня, растите меня по очереди, один за другим, да приходите вовремя.

Вот и взялись Земля, Солнце, Вода, Ветер, Ночь и День за Яблоневым семечком ходить.

Срок прошёл, смотрят — росток появился. Потом прутик. Потом деревцо. А потом и целое дерево. Да какое! С яблоками, наливными, душистыми. А в них яблоневые семечки. Яблоки с дерева пообрывались, семечки из них попадали. Их Ветер разнёс по Земле. Земля вскормила, Вода напоила, Солнце согрело, День надышаться дал, Ночь снами баюкала. Смотрите — Яблоневый сад на Земле! Земля в цвету. Для яблони и Земля, и Солнце, и Вода, и Ветер, и Ночь, и День — радость, счастье. И для них всех яблоня — счастье. Без неё они кому нужны? Сами себе только, да и то зачем? Скучно ведь, если ты никому, ровным счётом никому-никомушеньки не нужен! А тут без тебя не то что невозможно, а просто — гибель. Были они поодиночке одни стихии, а слились — и настала жизнь.

С тех пор так и повелось во всём мире — в природе и на земле ничто не живёт по отдельности: трава без земли, земля без воды, вода без неба... человек без человека.

Цена 27 коп.

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО
ВОЗРАСТА

Зелёная лапка

Составитель А. Нечая

Редколлеги: А. Кардашова,
Н. Белинович, В. Важаев

Художники: А. Рыбачук и В. Мехлинченко

Ответственный редактор Н. Васич
Художественный редактор Г. Контелова
Технический редактор В. Фелдубина
Корректоры: Н. Цыганкова, Ж. Кричкова

Подготовлено к печати 15/III 1962 г. Бумага 60×90
Печ. л. 3-4-2 (цвет. вкладка-обл.), пер. л.
Уч.-изд. л. 4,33 Тираж 100 000 экз.
Заказ № 1024 Уд. № 905
Издательство «Детский мир» Министерства
культуры РСФСР

Полиграфическая фабрика № 1 имени
Ленина при Министерстве промышленности и культуры
Мостовской области. Москва, Ленинская, 27